

Дмитрий Шеваров

Вологодская
тетрадь

Моим дорогим старикам

12+

Вологда
«Древности Севера»
2016

Угор

Александр Яшин

Угор – место, идущее в гору, подъём круче изволога.

Словарь В. И. Даля

Трясучий газик с рваным брезентовым верхом выбрался одним боком на сухую обочину и тормознул у опушки леса. Водитель махнул рукой: «Вон тропинка, глянь... Это на Угор, к Яшину...» За глухой стеной тайги ничего особенного не угадывалось. Газик рванул, плюхнувшись в очередную лужу, и мы погнали дальше. Куда ехали, за чем спешили – разве теперь вспомнишь? А на Бобришном Угоре не пришлось побывать. Так и спешишь вечно куда-то, лишь краем глаза примечая самое, быть может, главное.

Александр Яковлевич Яшин

В начале 1960-х на Бобришном Угоре, вблизи родной деревни Блудново, русский писатель Александр Яшин построил себе дом. Не коттедж для отдыха, не хоромы, а избёнку для уединённой работы. Место это потаённое было примечено им ещё в детстве, с друзьями-мальчишками он взбегал на Угор, откуда, кажется, всю Россию видно. Здесь, на Угоре, и похоронить себя завещал.

Есть снимок поразительный: как через поле, бескрайнее поле, течёт по дороге народ – жители окрестных деревень провожают земляка-поэта в последний путь. Женщины в платочках, в старинных домотканых сарафанах. 1968 год. Яшину было всего пятьдесят пять лет.

Последние пятнадцать лет книги Александра Яшина не издавались в России. Не до него было. Не до того, кто написал стихотворение «Спешите делать добрые дела!».

Но вот к не так давно тихо миновавшей юбилейной дате вышло две его книги. Первая, появившаяся в московском издательстве «Русская книга», называется «Живая вода» — по названию послевоенной яшинской книги лирики, которая была набрана в 1947 году, но в свет не вышла, была запрещена. Вторая, «Слуга народа» (по названию одной из самых сильных повестей Яшина), издана на родине поэта, в Вологде.

Эти книги, бережно подготовленные дочерью писателя Наталией Александровной, — вовсе не переиздания. Здесь нам приоткрывается новый Яшин. В вологодской книге впервые без купюр опубликована повесть «Баба-Яга», задуманная Яшиным ещё в 1960 году. Это история о деревенской старухе Устинье, председателем колхоза прозванной Бабой-Ягой за то, что она, живущая одна-одинёшенька в заброшенной деревне на острове, отказывается покидать остров и растит свой огород без руководящих указаний партии. Яшинская повесть предвосхитила «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, но при жизни автора не появилась в печати. В 1969 году её планировал опубликовать Твардовский в «Новом мире», но вскоре он вынужден был уйти из журнала, и набор рассыпали.

Здесь же, в вологодском издании, другая выстраданная и провидческая повесть Яшина — «Слуга народа». Она появилась только в 1980-е годы в журнале «Москва».

Впервые публикуются фрагменты из дневников Яшина последних лет жизни. Читая эти записи, кажется: это же про нас, про то, что мы переживаем. Из дневника А. Яшина (2 апреля 1962 года, Дом творчества писателей в Ялте): «Без конца болтают... О чём? Кто что вспомнит из вычитанного из западной литературы, из узанного о загранице, об американском кино, о кинозвёздах... Анекдоты, хохмы о королях, о принцессах... Слушаю, слушаю и ухожу.. Хоть бы что-нибудь доброе о нас. О России — не в сочинениях, не для вечности, а так, в простом человеческом разговоре...»

В дневниках и духовный смысл Бобришного Угора открывается. Вот из записей 1966-го года: «Уже давно у меня появилось желание творческого одиночества — этим объясняется и строительство дома на Бобришном Угоре...

Похороны Александра Яшина. 1968 год

Очень уж моя жизнь стала тяжёлой, безрадостной в общественном плане. Я слишком много стал понимать и видеть, и ни с чем не могу примириться... Переселение на Бобришный Угор... Разложил свои тетрадки и гляжу в окно, наглядеться не могу. Мать и сестра ушли домой под дождём.

Я остался и рад. Удивительное чувство покоя. Пожалуй, сейчас я понимаю отшельников, старых русских келейников, их жажду одиночества... Из-за одной этой лунной тихой, правда ещё холодной, ночи стоило строить мою избу.. Мне такое заточение в глуши лесов, снегов дороже славы и наград — ни униженья, ни оскорбления, ни гоненья. Я тут всегда в своём доме, в своём лесу. Здесь родина моя...»

Конечно, эти минуты затворничества были очень краткими. Надо было возвращаться в Москву, ходить по редакциям, зарабатывать на хлеб. Близкие друзья, шутя, говорили о семье Александра Яковлевича: «Яшинский колхоз». Семь детей! (Сейчас внуки и правнуки поэта живут не только в России, но и во Франции, куда ещё в советские годы уехал сын Яшина Михаил.)

Каждое лето Яшин старался свозить детей на родину. Дочь поэта Наталия Александровна рассказывает: «Я ещё помню престольные праздники. Кажется, только что это было. Часовни, которые раньше были в центре деревень, давно сломали, но всё равно каждая деревня собирала со всей округи родственников, знакомых, отмечая тот праздник, которому посвящён был престол часовни или храма. На плотиках, на лодках переплывали Юг-реку празднично одетые, подхватывали корзины с пирогами, снедью и шли в дома, где чистота была необыкновенная: выскобленные дресвой добела некрашенные полы, устланные половиками ручной работы. А там встречали приветливые хозяева. Кипящий самовар, пироги... И пиво было своё, деревенское, и песни свои. Помню удивительно строгие хороводы — женщины как плыли, незаметно притопывая каблуками... Много было всего и весёлого и грустного, но главное — сохранялась в людях радость жизни... Деревня жила, хотя свет провели уже после смерти отца и не без его ходатайства...»

Сколько до сих пор неопубликованных крестьянских писем хранит его архив! Некоторые, особенно дорогие ему, отклики он носил с собой, в кармане, на сердце. И в июле 1968-го провожали Яшина земляки как человека, положившего жизнь свою за правду.

Да, были в те годы правозащитники, а были правды защитники. Путь, пройденный нами с тех пор, показал, что куда легче обрушить границы и упразднить цензуру, чем достучаться до сердца.

«Потери сердца людям не видны...» (из стихотворения «Отходная», 1966 год).

В Яшине всегда сначала говорила совесть и только потом — художник. Теперь искусство празднует свободу, но без нравственного начала, без корня и всё художественное теряет силу, иссыкает...

Сейчас уже трудно восстановить контекст эпохи и понять, какое огромное впечатление Александр Яковлевич производил везде, где появлялся. Красивый, сильный человек, очень обаятельный, очень яркий. В конце 1970-х заявку на книгу о Яшине подавал замечательный критик Валентин Курбатов, но заявку отвергли. Так и нет до сих пор настоящей, вдумчивой книги об Яшине.

Кем же был Яшин для своих современников? Для интеллигенции – прежде всего автором «Рычагов» и «Вологодской свадьбы». Эти небольшие рассказы появились не в самых тиражных изданиях (первый был опубликован в альманахе «Литературная Москва» в 1956 году, второй – в № 12 «Нового мира» за 1962 год), но стали откровением для мыслящих людей, а номенклатуру напугали так, что на травлю Яшина была поднята вся газетная рать. В январе 1963-го «Комсомольская правда» гвоздила Яшина за «Вологодскую свадьбу» в таких выражениях: «Как могла подняться у Вас рука?.. Вы черните даже то, что принёс в деревню колхозный строй... Свадьбу играют, как в старину... В райкомовской машине Вы везёте сваху с иконой... Вы не скрываете восторженного отношения к старинным обрядам...»

Яшин рассказал о деревне пьющей, замордованной нищетой и директивами, но живой, хранящей традиции в душе, а не в одних лишь сундуках, не только для смотров художественной самодеятельности. И можно было легко догадаться, что во многих крестьянских душах жива ещё вера в Бога. И это после великих переломов и колхозов «Безбожник», после хрущёвского погрома уцелевших до той поры монастырей и храмов, после громогласного обещания Хрущёва показать по телевизору «последнего попа»! Получалось, что государственная машина столько лет без толку утюжила сознание русского народа. Такой правды Яшину простить не могли. Для него закрылись двери издательств и редакций, его распинали на партсобраниях. Союз писателей отменил его юбилейный вечер – в 1963 году Яшину исполнилось пятьдесят.

Огромной поддержкой в те дни для Яшина была заметка, опубликованная в «Литературной России». Её написал К. Г. Паустовский: «Мы часто пользуемся выражением "сын народа"... Александр Яшин – подлинный талантливый сын нашего Севера, вологодских краёв..., участник братства простых трудовых людей, и в этом – его сила».

Паустовскому посвящено одно из последних стихотворений Яшина – «Переходные вопросы», оно начинается вопросом: «А в чём моя вера?» Паустовскому он писал из своей последней больницы: «Дорогой мой Константин Георгиевич!.. Меня в последние годы с особенной силой тянуло к Вам, сердце чуяло, что иначе не увижу Вас больше... Позвольте сказать Вам, что люблю Вас, что дни, когда мы бывали вместе, считаю счастливыми днями в своей жизни, что общение с Вами очищало душу мою и возвышало её... Конечно, я понимаю, что

не оправдал надежд, которые Вы возлагали на меня, даже из написанного почти ничего не дошло до конца. И мне самому особенно трудно из-за этого...»

«Милый Яшин, я тоже болен и поэтому не могу прийти к Вам сейчас, чтобы немного утешить Вас, — ответил ему Паустовский. — Держитесь. Нас осталось мало — лес редее...»

Среди тех, кто его ценил и любил, были очень разные люди. Дружескими отношениями с Яшиным дорожили Михаил Михайлович Пришвин, Корней Иванович Чуковский, Константин Михайлович Симонов, Владимир Фёдорович Тендряков, юный тогда Саша Аронов и многие, многие...

Александр Исаевич Солженицын сидел в больничном коридоре у палаты умирающего Яшина и писал ему письмо в надежде, что тот ещё сможет его прочитать.

С глубокой привязанностью относилась к семье Яшина великая пианистка Мария Вениаминовна Юдина. Как родного отца любил Яшина бывший детдомовец Николай Рубцов. Учениками Яшина считали себя большинство вологодских писателей, собственно, с него и началась «вологодская литературная школа».

Наталья Александровна Яшина пишет в предисловии к книге отца: «Некоторые считают, что советские писатели были недуховными людьми. Это не так. Была горячая, действенная любовь к людям, к родине, было восхищение природой как творением Божиим. И такие, как они, сохранили веру в Бога через любовь к отечеству... Лучшие писатели несли духовную нагрузку. О том, что часто писатель был "мирским духовником", свидетельствует огромное число читательских писем. Люди обращались к писателю, как к близкому человеку. Такие писатели, как мой отец, искали духовный путь, творчеством своим воспитывали, поддерживали, подпитывая в человеке нравственную основу. Призывали к правде, в какой-то мере восполняя словом отсутствие храмов, проповедей, конечно, на мирском уровне. И были в людях горение и любовь, не было этой страшной убивающей теплохладности, безразличия...»

Кому теперь посильно написать такую строчку, которая бы сразу всколыхнула нас? Всколыхнула бы и навсегда ушла в народ, на глубину души. И ушла бы не как удачная игра слов, но как истина, евангельски обжигающая.

«Спешите делать добрые дела!..»

*Впервые опубликовано в газете
«Деловой вторник» 29 июня 2004 года.*